

Томас КАЧЕРАУСКАС / Tomas KAČERAUSKAS

Литва, Вильнюс
 Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса. Кафедра философии и политологии
 Заведующий кафедрой, доктор наук, профессор.

Lithuania, Vilnius.
 PhD in philosophie. Vilnius Gediminas Technical University.
 Department of Philosophy and Political Theory.

Tomas.Kacerauskas@vgtu.lt

КУЛЬТУРНЫЕ ШТУДИИ В ЛИТВЕ: ИДЕИ И ИМЕНА

В статье анализируются культурные штудии в Литве. Автор интерпретирует три периода: 1) межвоенный период; 2) послевоенный период, который охватывает как исследования в Советской Литве, так и исследования литовских эмигрантов за рубежом и 3) пост-советский период. Автор интерпретирует ряд литовских исследователей руководствуясь следующими предпосылками: 1) культурные штудии неотделимы от дискурса модерна, даже если мы говорим о посмодернистической культурной ситуации и ее представителей; 2) культуру следует интерпретировать как интегральное целое, доступное к философской рефлексии; 3) культурные штудии балансируют между региональным идентитетом и глобальных тенденций; 4) культурные штудии следует развивать в соответствии с нашими герменевтическими интенциями; 5) культурные феномены, включены в культурные штудии, указывают на жизненный мир как культурную среду и нашу роль в нем; 6) исследователи культурных штудий принимают участие как в вертикальном культурном сообществе определенного региона, так и в горизонтальном обществе мировой науки; 7) культурные штудии возникают как междисциплинарный дискурс, т. е. как следствие тактики «длинного пути» (Рикер).

Ключевые слова: культурные штудии, идея культуры, регион, идентитет

Cultural studies in Lithuania: ideas and names

The article examines cultural studies in Lithuania. The author interprets three periods: 1) the interwar period, 2) the post-war period that covers both cultural research in Soviet Lithuania and research conducted by Lithuanian emigrants abroad, and 3) the post-Soviet period. The author interprets works by a number of prominent Lithuanian cultural researchers based on the following premises: 1) cultural studies are inseparable from the discourse of modernity, even when we speak about the postmodern cultural situation and its representatives; 2) culture should be interpreted as an integral whole available for philosophical reflection; 3) cultural studies hover between regional identity and global tendencies; 4) cultural studies should be developed with respect to hermeneutic intentions; 5) cultural phenomena have been used by cultural studies in reference to the world we inhabit as cultural environment, and our creative role within it; 6) researchers in cultural studies participate in both the vertical cultural community of a certain region and the horizontal, international scholarly society; 7) cultural studies is emerging as an interdisciplinary discourse, i.e. as a result of "long way" (Ricoeur) tactics.

Key words: cultural studies, idea of culture, region, identity

Введение

Прежде чем начать анализ культурных штудий в Литве, мы должны ответить на вопрос, что такое культурные штудии, т. е. какие исследования мы принимаем за культурные штудии. С одной стороны, мы можем реконструировать культурные рефлексии в истории философии начиная с Сократа (или даже с досократиков). Первая трудность, которая возникает перед нами, это понятие культуры, которое не надо путать с определе-

нием культуры. Каждое культурное исследование эксплицитно или как минимум имплицитно предполагает какое-то определение культуры, но понятие культуры указывает на определенный путь мышления. Данное понятие является наследством модерна¹, когда культура сопоставлялось природе, так что упомянутая реконструк-

¹ Понятие модерна не менее туманное, так как оно отсылает к V веку, когда христианство распространялось в Римской империи.

ция была бы обязательно ретроспективной. Другими словами, такой вид научной активности указывал бы на определение культуры как человеческого творчества. С другой стороны, культурные студии охватывают не только философию, но и историю (история культуры), социологию (культурная социология), антропологию (студии человека) и т. д., при этом подчиняя философию культуре, которая подлежит исследованию. Такой подход, который следует за отделением наук от философии как *alma mater*, так же обозначен модерном, и критиковался с разных сторон. Не только модерн может быть трактован как антигуманный, т. е. антикультурный (Фуко), но также модернистическая субординация философии культурным студиям — как инверсия гуманистических фундаментов (Хайдеггер). В любом случае «модерн» может быть ключевым словом, когда мы говорим о культурных студиях, даже анализируя посмодернистские культурные феномены.

Определение культуры тоже предполагает некоторую амбивалентность. Как упомянулось, культуру можно оценивать как сумму разных человеческих деятельностей — как теоретической, так и практической, как материальной, так и духовной. Этот взгляд предполагает философию как одну из таких деятельностей, которую следует анализировать с помощью исторического или морфологического подхода. Другой путь — интерпретировать культуру как интегральное экзистенциальное творчество, которое следует развивать вместе с философской рефлексией, что охватывает герменевтические аспирации.

Кроме этого, трудности представления культурных студий в определенном регионе вытекают из амбивалентности регионального идентитета, который также влияет как на самое развитие культуры, так и на ее исследования. Как мы должны трактовать литовцев, которые исследуют культуру за рубежом и обогащают другие культуры? И наоборот, как мы должны трактовать представителей других культур, которые работают в Литве или даже пишут свои труды на литовском языке? Из первых можно упомянуть В. Каволис, А. Мицкунас, А. Ю. Греймас, А. Лингис, В. Вичинас, из последних — Л. Карсавин, В. Сеземанас¹. Идентичность определенной культуры под влиянием философской рефлексии формируется в среде становления индивидов, которые меняют ее идентичность. Таким образом, упомянутые индивиды являются двойными культурными агентами, влияющими на развитие культуры как в родной стране, так и за рубежом.

Культурные студии неотделимы от локального аспекта: это исследования определенной культуры. Они заземляют абстрактные философские рефлексии, которые следует деконструировать как спекулятивные и конструировать, наполнив культурным содержанием. Но культурные студии могут превратиться в слепую регистрацию культурных данных, а не культурных явлений. Явление уже апеллирует к нашим стремлениям и образу видения, что неотделимо от культурной среды. Вот почему культурные студии требуют философского взгляда, который охватывает феноменологию и герменевтику. Этот взгляд оказывается определенным видением, без которого у культурных студий нет ни толчка, ни самопознания. Поэтому я предпочитаю философский фермент, вместо философских основ, на которых базируется любая культурная рефлексия².

Отношение между локальными и глобальными аспектами культуры также имеет свои нюансы, когда мы говорим о лицах: эта статья предназначена определенным лицам. Тут имеем парадокс: культурные студии ориентированы на феномены локальной культуры, в то время как сама феноменология репрезентирует глобальную стратегию исследований, охватывающую не только разные страны, но и разные отрасли гуманитарных наук. Каждый исследователь представляет определенную культурную среду, и одновременно причастен межкультурным стратегиям гуманитарных исследований (в данном случае). Каждое культурное исследование важно только при обслуживании этих культурных стратегий, т. е. являясь моделью межкультурного дискурса. Тут возникают вопросы: что есть идентичность локальной культуры, которая исследуется в контексте культуры глобальной? Какова идентичность исследователя, ориентированного на этот глобальный дискурс, даже если он представляет определенную культуру? Итак, вопрос о пределах идентичности ведет к вопросу о пределах культуры.

Обобщая свою стратегию в этой статье выдвину следующие тезисы:

- 1) культурные студии неотделимы от дискурса модерна, даже если мы говорим о посмодернистской культурной ситуации и ее представителях;
- 2) культуру следует интерпретировать как интегральное целое, доступное философской рефлексии;
- 3) культурные студии балансируют между региональным идентитетом и глобальными тенденциями;
- 4) культурные студии следует развивать в соответствии с герменевтическими интенциями;

¹ С похожими трудностями мы столкнулись анализируя феноменологию в Литве (Sverdiolas, Kačerauskas 2009).

² Ср. критику М. Хайдеггера в отношении О. Шпенглера (Heidegger 1976: 200).

- 5) культурные феномены, включенные в культурные штудии, указывают на жизненный мир как культурную среду и нашу роль в нем;
- 6) исследователи культурных штудий принимают участие как в вертикальном культурном сообществе региона, так и в горизонтальном обществе мировой науки;
- 7) культурные штудии возникают как междисциплинарный дискурс, т. е. как следствие тактики «длинного пути» (Рикер).

Воспользуюсь данными тезисами как критериями при интерпретации культурных исследований в Литве. Таким образом, мой обзор будет определенным Dasein анализом (Хайдеггер), интерпретируя Dasein как жизненную промежуточную позицию, которая соответствует культуре между локальным творчеством и глобальной ориентацией, между вертикальным становлением и горизонтальным развитием, между отдельным явлением и экзистенциальной идеей, между фрагментами нарратива и жизненным рассказом, между реальностью, которую следует сотворить, и творчеством, которое следует реализовать.

Прежде чем говорить об основных литовских фигурах культурных исследований, представлю журналы как трибуну культурного дискурса. Можно выделить два вида таких журналов: академические и «популярные». Академические журналы обслуживают академическое сообщество, которое требует не только места для развития конкурирующих исследований, но и академических «точек». Комбинация этих двух интересов при наличии финансовой поддержки гарантирует, что количество академических журналов умножается. И наоборот, так называемые «популярные» журналы, которые не надо путать с журналами попкультуры, являются наследством времен Саюдиса, когда они рождались на волне публичной активности. Так как в журналах обоих видов печатаются статьи тех же самых авторов, демаркация между ними — условная. В сущности, демаркация отмечена (воспользуясь формальными критериями оформления статей и участия в иностранных базах) академическим сообществом как определенной культурной «элитой»¹.

Академическими считаются следующие журналы: кварталный Logos (издатель и главный редактор Даля Мария Станчене), полугодовой Baltos lankos (Белые нивы) (издатель Саулюс Жукас, редакторы — А. Мицкунас, А. Свердиолас, С. Жукас), полугодовой журнал Limes (издатели — Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Институт исследования литовской

культуры, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, главный редактор — Т. Качераускас) и годовой альманах Kultūrologija (Культурология) (издатель — Институт исследования литовской культуры, главный редактор — А. Андрияускас). Logos (1921–1939), воссоздан в 1990 г., охватывает сравнительные культурные штудии, включая искусствоведение, философию и религиоведение. Тематическая обширность является как преимуществом, так и недостатком: емкость журнала формируется под влиянием этих междисциплинарных исследований. Журнал Baltos lankos (с 1992 г.), балансируя между научным и эссеистическим стилем, имеет семиотическую ориентацию. Limes (с 2008 г.) ориентирован в культурную регионалистику, которая охватывает междисциплинарные (философские, социологические, исторические, политологические) аспекты культурных исследований региона. Kultūrologija (с 2000 г.) ориентирована на компаративистику с региональной перспективой.

Из «популярных» журналов надо упомянуть Kultūros barai (Культурные фронты) (с 1965 г.), Krantai (Берега) (с 1989 г.), Naujoji Romuva (Новая Ромува) (1931–1940, воссоздан в 1994 г.). В советские времена журнал Kultūros barai был почти единственным местом для культурных штудий, сравнительно свободных от идеологии². Отличительная черта этих журналов — их стабильность: даже после ухода (по разным причинам) их изначальных редакторов, они выпускаются дальше. Если Kultūros barai можно оценивать как фронт культурной резистенции советской идеологии, Krantai основан как интеллектуальный форум для рефлексии как культурного прошлого, так и будущего. Naujoji Romuva (создана и продолжает, как и Logos, межвоенные традиции) больше ориентирована на культурную традицию и национальную память³.

Идея культуры в Литве

Идея культуры — *idée fixe* межвоенных литовских философов. Понимание культуры следовало не столько из проекта Просвещения, сколько из ренессанса романтизма, что неотделимо от весны наций после I Мировой войны. Понятие культуры обслуживало становление национального идентитета, и было неотделимо от романтических имиджей национального прошлого. Хотя это связывается с интенциями Kulturphilosophie, развиваемой как противовес космополитическим идеям Просвещения, литовской культурной философии недоставало как раз этого различия, которое возникло на Западной Европе. Ситуация философии культуры улучшилось в

¹ Эта ситуация может быть сравнима с культурной ситуацией в домодернистических временах: шляхта (как и академические слои сейчас) имела разный по сравнению с другими людьми язык (следовательно, и культуру).

² Идеология — тоже продукт культуры.

³ Ромува как языческое место почитания связывается с этимологическими смыслами слова культура.

третьем десятилетии, когда национальная школа культурологии (Стасис Шалкаускис), развиваемая в Каунасском Университете Витаутаса Великого (УВВ) укрепились молодыми докторами наук, которые учились в Европе (Антанас Мацейна) или иммигрантами, путь которых в Литву вел из России через Европу (Лев Карсавин).

Стасис Шалкаускис (1886–1941) был озабочен особым развитием литовской культуры, которую он трактовал географически как мост между восточной и западной культурами (Šalkauskis 1990 (1926)). Хотя эта идея имеет исторические корни и некоторые манифестации¹ в Великом Литовском Княжестве, «географический» подход Шалкаускиса не был ни историческим, ни социологическим. Согласно ему, культуру надо понять как национальный дух (Geist), который определяет жизнь индивида. Этот дух надо открыть философским умом, который ищет национальной идентичности. Такая адаптация немецкой романтической Kulturphilosophie находилась под воздействием и русской культурологии (В. Соловьева, Н. Бердяева), представитель которой Л. Карсавин являлся коллегой Шалкаускиса в УВВ несколько лет. Философия культуры Шалкаускиса как инверсия дискурса модерна выразила целостный взгляд на культуру — основу любой человеческой активности. Но этот «прямой путь» в культуру достигнут за счет анализа культурных феноменов, игнорируя их исторические и социальные аспекты.

Лев Карсавин (1882–1952), наоборот, сконцентрировал внимание на историческом развитии культуры. В своей многотомной истории Европейской культуры (Karsavinas 1991–1998 (1931–1937)), написанной на литовском языке, Карсавин анализирует культуру, неотделимую от социального развития, не избегая при этом этимологических объяснений и философских обобщений. Так как вопрос идентичности литовской культуры не был поставлен как основной в этой работе, русский интеллектуальный фон и амбициозные научные интенции Карсавина гарантировали широкие горизонтальные связи. Его культурную идею единой Евразии можно интерпретировать в перспективе русских экспансионных стремлений. Ирония судьбы: Карсавин был выслан в Сибирь, где и умер, как раз за эту идею, когда советская экспансия достигла вершины после II Мировой войны. Карсавин необычным способом согласовал вертикальное внимание к локальной литовской культуре с горизонтальной коммуникацией с научным обществом, при этом оставаясь на волне русской интеллектуальной культуры.

Как и Шалкаускис, Видунас (1868–1953) интересовался вопросами, что такое нация и какие истоки на-

циональной аутентичности. Но его подход был более оригинален, отсылая к древней индийской философии и неоплатонизму, которые он совмещал с христианским содержанием. Таким образом, он стал родоначальником компаративистских штудий в Литве. Во время жизни и работы учителем в Малой Литве² Видунас проникся ее духовной средой, что включает язык, историю, обычаи, т. е. региональную культуру (Vyduņas 1990a (1911); 1990b (1920)). С другой стороны, идентичность этой региональной культуры должна опираться на компоненты культуры, которая очень отдалена как в географическом, так и во временном смысле. Его концепция модернистского (и романтического) образования (Bildung) охватывала оба эти аспекта парадоксальным образом. Итак, немецкое Bildung как противовес глобальному образованию стало источником идентитета литовской культуры, которая противопоставлялась немецкой.

Ученик Шалкаускиса Антанас Мацейна (1908–1987) получил образование не только в интеллектуальной среде УВВ, но и других европейских университетов³, где он учился. Несмотря на это влияние или благодаря ему, для него чрезвычайно важной была идея культуры, когда он развивал свою философию культуры в разных аспектах в своих книгах Введение в философию культуры (Maceina 1991a (1936)), Основы первичной культуры (Maceina 1991b (1936)), Синтезис культуры и литовская культура (Maceina 1991c (1938)). Мацейновскую философию культуры можно свести к четырем тезисам:

- 1) культура является человеческим творчеством;
- 2) культура является творчеством бытия;
- 3) человек — свободный и сознательный сотворец божественного порядка;
- 4) действительность возникает как человеческое творчество.

Его идея культуры формировалась, балансируя между платоновской теорией идей, теологией Фомы Аквинского, месианизмом Бердяева и феноменологическим подходом, поэтому имеет некоторые противоречия. Несмотря на это, мацейновская идея культуры остается актуальной. Идея культуры как всеобщая абстракция поглощает другие философские подходы и даже саму культуру, которая подкармливается этой «философской диетой» (Виттгенштейн). Международный успех Мацейны связывается с интерпретацией таких фигур культуры как Великий Инквизитор⁴ (Maceina 1990a (1946)), Антихрист⁵ (Maceina 1990b (1964)) и Йоб (Maceina 1990c (1950)), с анализом советской этики, а также с теологи-

² Нынешняя Калининградская область, которая в прошлом сыграла важную роль в становлении литовской культуры.

³ В университетах Лювена, Фрибура, Страсбура и Брюсселя.

⁴ Из Братьев Карамазовых Ф. Достоевского.

⁵ Из Краткой повести об Антихристе В. Соловьева.

¹ Например, церковь унитов.

ей под воздействием православной мысли, но не с теми его трудами, которые представляют рецепцию культурной идеи. Этот успех, прежде всего в России и Германии, был выражением актуальности упомянутых фигур в определенных кругах (в России), а также политического интереса к социальной жизни врагов (в Германии). Итак, мацейновская международная (горизонтальная) коммуникация в культурном дискурсе следовала из его второстепенной цели интерпретировать культурные феномены, которые оказались актуальными в других странах. Его фундаментальная интенция построить теорию культуры, наоборот, не перешагнула пределов страны.

Распространение литовских культурных штудий

Нет сомнений, что культурные штудии, развиваемые послевоенными литовскими эмигрантами, оказались под воздействием культурной среды в разных странах. Значит, возникает вопрос, можно ли считать эти исследования, развиваемые за рубежом, литовскими. В любом случае они уже не являются культурными штудиями в Литве, как анонсирует название статьи. Несмотря на это, как раз эти культурные бродяги являются самыми лучшими амбассадорами литовской культуры как в широком (культура как таковая), так и в узком (культурные исследования) смыслах. Прекрасным примером этого представительства является Э. Левинас¹.

Для Альгирдаса Юлюса Греймаса (1917–1992) культура уже не является сущностью, которая берется штурмом. Анализируя язык как аспект культуры, он поднимает вопрос о понимаемом значении культурных феноменов вместо экзистенциального подхода по отношению культуры как целого (Greimas 1991b (1966)). Греймас характеризует культуру как «глобальное выражение нашего аутентичного настоящего, которое имеет корни глубоко в прошлом» (Greimas 1991b (1966): 332). Иначе говоря, культуру надо понимать как человеческий язык, значение которого не отделимо ни от исторического прошлого, ни от творческого будущего. Будущее является фактором нашего прошлого, которое создается в перспективе становления национального сообщества. Но этот культурный язык функционирует при коммуникации с другими игроками культуры. Таким образом, семиотический подход не только позволяет избежать эссенциализма идеи культуры, лицом которой является национальная идентичность, но и создать модель межкультурных исследований.

Витаутас Каволис (1930–1996) развивает межкультурные исследования с помощью цивилизационного

подхода в социологической и исторической перспективе. Согласно ему, культура охватывает аспекты случайности, противоречий и несвязок. Культуру надо интерпретировать не как систему, так как это — фрагментированный «сборник малых традиций», что исходит из индивидуальных выборов (Kavolis 1996: 23). Поэтому он предлагает культурные мастерские вместо культурологии и теории культуры. Другой «длинный путь» Каволиса по отношению культурных штудий — культурная психология (Kavolis 1995), которая охватывает как индивидуальную реакцию на разломы культуры, так и роль индивидов в развитии культуры.

Альгис Мицкунас (р. 1933) в своей феноменологии культуры (Mickūnas 2007) также уделяет внимание цивилизациям, различие которых предполагает межкультурный подход. Феноменологическая перспектива предоставляет не только феномены культуры для разной интерпретации, но и перспективу трансцендентальной философии. Последняя понимается Мицкунасом как рефлексия, направленная на различия и трещины культуры. Вот почему феноменология культуры Мицкунаса является больше альтернативой для идеи культуры, что развивалось Мацейной, который отчасти тоже руководствовался феноменологическим подходом (преимущественно экзистенциальной версией). Во-первых, феномены культуры предполагает мозаику культурного горизонта, хотя их видение всегда требует определенной философской (в этом случае феноменологической) перспективы. Во-вторых, феноменологический путь (в частности *epoché*) позволяет достичь результатов в исследованиях культуры самой низкой ценой, т. е. не раскулачивая данные культуры во имя общей идеи. Наконец, этот подход позволяет осмыслить разные аспекты культуры (например, глобализацию, с одной стороны, а с другой — инженерию идентичности) как феномены для интерпретации. Мицкунас в своих культурных штудиях воспользуется всеми преимуществами этого феноменологического «длинного пути».

Юозас Гирнюс (1915–1994) в размышлениях о национальной культуре и ее характере (Girnius 1947) продолжает линию Шалкаускаса. Представляя теистический экзистенциализм (Girnius 1994 (1964)), он озабочен национальной культурой в контексте веры. Из-за массовой эмиграции и утраты политической независимости Литвы после II Мировой войны вопрос о национальной культуре приобретает экзистенциальный аспект, который успешно эксплуатирует Гирнюс. Кроме этого, он анализирует технологию, которая влияет как на развитие культуры, так и на человеческую ответственность (Girnius 1998).

Винцентас Вичинас (1919–1996), ученик Мацейны (в УВВ) и Еугена Финка (во Фрейбургском универси-

¹ Левинас не является субъектом этой статьи: его философия связывается с культурными штудиями только косвенно.

тете), находился под влиянием экзистенциальной феноменологии. Во-первых, он показывает культурное значение М. Хайдеггера (Vyčinas 1977). Во-вторых, он интерпретирует некоторые аспекты современной культуры (в частности, технологию) в перспективе хайдеггеровского экзистенциализма (Vyčinas 1973; 1990).

Альфонсо Лингис (р. 1933) — другой пример плодотворности феноменологии. Пример Лингиса показывает, что феноменология может привести к культурной периферии, фрагменты которой конституируют саму культуру, по словам Каволиса. В своих книгах (Lingis 1989; 1994a; 1994b; 1994c; 1995) Лингис, опираясь на классиков феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти), прибегает к примерам «экзотических» культур, которые он знает по личному опыту. Лингис решительно отклоняет тезис о пропасти между культурой и натурой. Согласно ему, в нашей цивилизованной среде города нам больше всего нужны опасные эмоции, дикие тенденции и безумные желания, которые являются источниками культуры, ломающей жизненную рутину. Лингис, который часто посещает Литву и охотно признает свои литовские корни¹, является примером успешных культурных штудий, которые перешагивают узкие национальные границы после слияния с другими традициями исследований (феноменология).

Разновидность культурных штудий в Литве

Советский период был временем испытаний для литовской философии. С одной стороны, советская идеология была феноменом культуры, что пронизывало другие формы культуры. С другой стороны, это предоставляло для культуры формы, которые балансировали между многозначительной тишиной и метафорическим переносом. Таким образом, как культура, так и исследования ее стали емкими при наличии скрытого содержания и провоцируя творчество за идеологическими границами. После слияния идеологии и культуры культурные штудии как таковые невозможны. Но эта угнетающая ситуация принуждает культуру искать пробелы для прорыва рабочих культуры в подполье метафизических исследований.

Это свойственно Восилиусу Сеземанасу (1884–1963), который был одним из нескольких философов, оставшихся в Литве после II Мировой войны, и, как Карсавин, испытавших трудности сибирской ссылки. Родившись в Финляндии в семье немки и шведа, Сеземанас предпочел остаться в Литве в советский период. Лебединной песней его философии культуры является текст *Время*,

культура и тело (Sezemanas 1997 (1935)), написанный на литовском языке. Он рассматривает культуру как неотделимую от телесного и временного опыта человека. Этот интегральный (и метафизический) подход свойственен и его Эстетике (Sezemanas 1970), написанной уже в советское время.

Арвидас Шлэгерис (р. 1944), как и Сеземанас, феномены культуры интерпретирует в метафизической, точнее, в онтологической перспективе. Но его онтология (и метафизика) строится под очевидным воздействием постмодернистских форм культуры. Культурные штудии Шлэгериса могут быть реконструированы двумя способами. С одной стороны, его интерпретация некоторых произведений искусства (созданных П. Сезаном и Р. М. Рильке) предполагает культуру в широком и искусство в узком смысле как фон для философских размышлений (Šliogeris 1990), которые вытекают из феноменологических источников².

Антанас Андрияускас (р. 1948), наоборот, интересуется историей и теорией культуры (Andrijauskas 2003). Но этот «прямой» путь следует из его исследований философии искусства (Andrijauskas 1990). Это понятие культуры, которая понимается как целое человеческого творчества (как материального, так и духовного), близко понятиям Шалкаускаса и Мацейны с одной оговоркой: Андрияускас пользуется компаративистическим подходом. Этот подход развенчивает как метафизическое, так и евроцентристическое зрение. Но любое сравнение предполагает определенные экзистенциальные установки в широком и теоретический взгляд в узком смысле.

Арунас Свердиолас (р. 1949) развивает культурные штудии, руководствуясь герменевтическим подходом (Sverdiolas 2006a; 2006b). Герменевтика Свердиоласа, в свою очередь, приобретает оригинальные свойства не только благодаря интерпретации феноменов (прошлого и настоящего) литовской культуры, но и благодаря другому зрению, обусловленному нашей культурной средой. Взаимовлияние герменевтики и культурологического подхода открывает горизонт обоих исследований. С одной стороны, герменевтическая модель используется при интерпретации культурных феноменов, которые понимаются в перспективе определенной культуры. Это междисциплинарное исследование открывает также взаимодействие локальной и глобальной культур. Феномены литовской культуры исторически неотделимы от европейской культуры, которая сформировалась под воздействием борьбы Средней Европы за европейские

¹ Хотя Лингис родился в США, оба его родители – литовские эмигранты.

² Надо бы упомянуть хоть одного ученика Шлэгериса из за его проекта феноменологии культуры (Kačerauskas 2008; Kačerauskas 2007) и интереса к историческим аспектам локальной культуры (Kačerauskas 2010).

культурные ценности. С другой стороны, определенная (локальная) культура возникает как герменевтическая среда, когда культура является содержанием самой герменевтики.

Витаутас Рубавичюс (р. 1952) ориентируется на глобальные аспекты постмодернистской культуры, комбинируя инструменты деконструкции и герменевтики с социальной критикой (Rubavičius 2003; 2010). Эта комбинация объекта и путей исследований соответствует постмодернистскому подходу, который представляет Рубавичюс. Леонидас Донскис (р. 1962), который свою академическую карьеру начал с философии модернизма (Donskis 2009 (1993)), а также урбанистических штудий, воспользовался этим теоретическим багажом при деконструкции форм ненависти в Западной культуре (Donskis 2003).

Гинтаутас Мажейкис (р. 1964) развивает дискурс культурной антропологии, анализируя разные субкультуры в городском пространстве (Mažeikis 2004; 2008). Кроме этого, Мажейкис интересуется покультурой как особым феноменом социальной жизни. Аналогично Юрате Черневичюте (р. 1958) анализирует покультуру в перспективе творческих индустрий (Černevičiūtė et al. 2009).

Екатерина Лавринец (р. 1978) и Черневичюте развивают дискурс культурного нарратива (Černevičiūtė 2008). Также Лавринец сконцентрировала внимание на таких феноменах культуры как фотография (Lavrinec 2007) и город (Lavrinec 2010). Можно говорить о волне штудий фотографий (Michelkevičius 2010) и города (Milerius 2007a; Samalavičius 2009a; Samalavičius 2009b) в Литве. Одним из пионеров этих специфических штудий, которые охватывают исследования кино, является Нериус Милерюс (р. 1971). Визуальные исследования (Barevičiūtė 2010; Briedis 2010; Kačerauskas 2010; Kirtiklis 2010; Pruskus 2010) — следствие «визуального поворота», который влияет на разные стороны нашей жизни.

Бася Никифорова является ведущим исследователем культурной регионалистики (Andrijauskas 2008; Kanišauskas 2010; Nikiforova 2010; Kačerauskas 2010; Kačerauskas 2009a), которые охватывают как историческую память, так и экзистенциальные стремления в перспективе дискурса границ. Дискурс границ неотделим от дискурса идентитета, что возникает в историческом (Berenis 2008), экзистенциальном (Jasmontas 2009) или глобальном (Astra 2009; Astra 2010; Pruskus 2008) перспективах.

Как упоминалось, вопрос национального идентитета доминировал в исследованиях межвоенного времени, что служило идеологической основой для новой нации. В постсоветские времена этот вопрос возникает как один из важнейших. Но ренессанс интереса к нацио-

нальному идентитету возникает в другом политическом контексте, в частности в перспективе глобализации и европейской интеграции. Мало того, дискурс идентичности сейчас ориентирован на исторический прецедент под именем Великое Литовское Княжество. Дискурс идентичности развивается из таких разных перспектив как реставрация межвоенных идей (Balčius 2005), философия религии (Kuzmickas 2009, Nikiforova 2008) или эстетика (Juknevičius 2005).

Последняя, как важный источник культурологических штудий, также развивается под воздействием разных методологий, в том числе феноменологии, герменевтики, аналитики, психоанализа, компаративистики. Таким образом, после слияния эстетики и культурных штудий формируется новый тип исследований как искусства, так и культуры. Эта ситуация может быть проиллюстрирована исследованиями в области философии искусства (Andrijauskas 1990, Stoškus 1981), феноменологии (Kačerauskas 2007; Kačerauskas 2009b), позитивистской философии (Nekrašas 2010) и психоанализа (Jekentaitė 2007).

Близок к культурологическим исследованиям и цивилизационный анализ, который трактует цивилизацию и как часть определенной культуры, и как культурное целое. После работ Каволиса цивилизационные штудии, переплетенные с дискурсом границ (Nikiforova 2009), эстетикой (Juzefovič 2009a; 2009b), социальной критикой (Barevičiūtė 2009), экзистенциализмом (Kačerauskas 2008b), занимают важную часть культурных штудий в Литве.

Так как культура развивается, преобредая новые формы, не надо недооценивать такие компоненты культуры как анализ медиа и коммуникации (Rubavičius 2009; Barevičiūtė 2008). Последним не менее важным отделом культуры являются исследования университетов, что развиваются в контексте как университетов, так и культуры Средней Европы в целом (Šaulauskas et al 2009; Samalavičius 2006; Kačerauskas et al 2006).

Выводы

Философия культуры, вытекающая из иногда противоречивых идей Просвещения и романтизма, была приоритетным направлением исследований в межвоенной Литве. Это можно объяснить потребностью поиска культурной основы для национального идентитета в молодом государстве. После II Мировой войны ситуация изменилась как из-за потока эмиграции литовских философов культуры, так и из-за формирования принципиально иной политической (и научной) ситуации в Литве. С одной стороны, мысль эмигрантов была под воздействием западных тенденций, охватывающих деконструкцию метафизических идей культуры и междис-

циплинарный характер культурных штудий. С другой стороны, идея национальной культуры, которая играла роль духовной резистенции советскому тоталитаризму, была законсервирована в Литве на несколько десятилетий. С 1990 года разные влияния — научный опыт эмигрантов, реставрация предшествующих идей, привезенные из западных университетов постмодернистские тен-

денции — направили исследования культуры в новом направлении. Можно говорить о таких направлениях культурных штудий как феноменология культуры, культурная регионалистика, исследования идентичности, города, цивилизаций, дискурс наратива, штудии фотографии и кино и пр.

CULTURAL STUDIES IN LITHUANIA

Introduction

Before analysing cultural studies in Lithuania we should answer to the question what cultural studies are, i.e. what kind of research we consider as cultural studies. On the one hand, we can reconstruct the reflections on culture in the history of philosophy since Socrates (or even since Pre-Socratics). The first difficulty we encounter is the cultural concept that should be not confused with the definition of culture. Although every cultural research explicitly or at least implicitly presupposes a certain definition of culture, the cultural concept refers to a certain way of thinking. As this concept is a heritage of modernity¹ when culture has been contrasted to the nature, the mentioned reconstruction would be a retrospective one. In other words, such kind of scientific activity would be very creative which corresponds to the definition of culture as a human creation. On the other hand, cultural studies cover not only philosophy but also history (history of culture), sociology (cultural sociology), anthropology (human studies), etc., subordinating philosophy to culture to be researched. Such approach following the separation of sciences from philosophy as their alma mater has been also signified by modernity that has been criticised from different sides. Not only modernity could be treated as antihuman, i.e. anticultural (Foucault), but also modern subordination of philosophy to cultural studies — as inversion of human fundamentals (Heidegger). Anyway, “modernity” could be a key word speaking about cultural studies even while analysing postmodern cultural phenomena.

The definition of culture presupposes some ambiguity as well. As mentioned, we could consider culture as the sum of different human activities, both theoretical and practical, both material and spiritual. This approach presupposes philosophy as one of many activities to be analysed from histori-

cal or morphological points of view. Another way is to interpret culture as integral existential creation to be developed together with philosophical reflection including hermeneutic intentions.

In addition, a difficulty of the exposure of cultural studies in a certain region follows from the ambivalence of regional identity which also influences both the very development of culture and its research. How should we treat the Lithuanians who research culture abroad and herewith enrich other cultures? And vice versa, how should we treat the representatives of other cultures while they research in Lithuania or even publish their works in Lithuania? We could number V. Kavolis, A. Mickūnas, A. J. Greimas, A. Lingis, V. Vyčinas among the first ones and L. Karsavin, V. Sezemanas — among the second ones². The identity of certain culture influenced by philosophical reflection has been formed as an environment for the becoming of the individuals who change this identity. In this way, the mentioned persons are double cultural agents that influence the development of culture in both native and foreign countries.

Cultural studies are inseparable from the local aspect of culture: they deal with the research of a certain culture. They discharge the abstract philosophical reflections to be deconstructed as speculative and to be constructed by filling with cultural content. However, cultural studies could turn to blind registration of cultural data instead of cultural phenomena. A phenomenon refers already to our intentions and the ways of seeing inseparable from cultural environment. That is why cultural studies need philosophical approach including phenomenological and hermeneutical ones. This approach is a certain sight from the outside, without which cultural studies have neither impulse nor self-cognition. Therefore, I prefer to speak about philosophical ferment that

¹ The concept of modernity seeks the 5th century, while Christianity had spread in the Roman Empire, is no less obscure.

² Similar difficulties we encountered see (Kačerauskas, T.; Sverdiolas, A. 2009a. “Phenomenology in Lithuania”, *Studies in East European Thought* 61 (1): 31–41).

matures cultural studies instead of philosophical bases that support every cultural reflection¹.

The relationship between local and global aspects of culture has also the nuances concerning the persons: this paper is devoted to certain persons. Here, we have a paradox: cultural studies have been oriented to the phenomena of local culture while the very phenomenology represents a global research strategy covering not only different countries but also different humanitarian branches. Every researcher represents both his cultural environment and intercultural strategies used in every study. Every cultural research is relevant only in serving these intercultural strategies, i.e. being a pattern for intercultural discourse. The question is as follows: what about the identity of a certain culture to be researched in a global context? What about the identity of cultural researcher, who is oriented to this global discourse even by presenting a certain culture? Therefore, the question of identical limits raises the question of cultural limits.

To sum up my strategy in this paper I shall present the following theses:

- 1) cultural studies are inseparable from the modernity discourse even if we speak about postmodern cultural situation and its representatives;
- 2) culture should be interpreted as an integral whole available for philosophical reflection;
- 3) cultural studies balance between regional identity and global tendencies;
- 4) cultural studies should be developed having respect to our hermeneutic intentions;
- 5) cultural phenomena have been used by cultural studies referring to our life world as cultural environment and our creative role within it;
- 6) the researchers of cultural studies take part in both vertical cultural community of a certain region and horizontal scientific society around the world;
- 7) cultural studies emerge as interdisciplinary discourse, i.e. as a result of “long way” (Ricoeur) tactics.

I shall use the mentioned theses also as the criteria by interpreting the cultural researchers in Lithuania. In this way my review will be a kind of “Dasein analyse” (Heidegger) while Dasein will be interpreted as a life position “between”, which corresponds to the culture between a local creativity and a global orientation, between vertical becoming and horizontal spread, between separate phenomena and existential idea, between narrative fragments and life narration, between reality to be created and the creation to be presented as real.

Before speaking about the leading figures of cultural research in Lithuania I shall present the journals as a tribune for cultural discourse. We can distinguish two kinds of such

journals: the academic and the “popular” ones. The academic journals serve the academic community that need not only a place for the development of competitive cultural researches but also academic “points”. The combination of these two interests having sufficient financial support guarantees a constant growing of the number of academic journals. On the contrary, the so-called “popular” journals, which should not be confused with the journals for pop culture, are the heritage of the Revival (Sąjūdis) time, when they have been born on the wave of public activity. As we can find the same authors in the journals of both kinds, the demarcation between them is conditional. In fact, this demarcation has been introduced (using the formal requirements both for publications’ formatting and for the covering by international data bases) by academic society as a kind of cultural “elite”².

The following journals shall be considered as the academic ones: Logos (the publisher and editor-in-chief — Dalia Marija Stančienė), semi-annual journal Baltos lankos (the publisher — Saulius Žukas, the editors — Algis Mickūnas, Arūnas Sverdiolas, and S. Žukas), semi-annual journal Limes (the publishers — Vilnius Gediminas Technical University, Lithuanian Culture Research Institute, Bialystok University and Grodno Kupala State University, the editor-in-chief — Tomas Kačerauskas), and annual almanac Kultūrologija (the publisher — Lithuanian Culture Research Institute, the editor-in-chief — Antanas Andrijauskas). Logos (1921–1939) re-established in 1990 as a journal edited between the wars covers not only comparative cultural studies including art criticism and philosophical and religion studies. This thematic convergence is both an advantage and disadvantage: the identity of the journal has been formed in these interdisciplinary researches. The journal Baltos lankos (White Meadows, since 1992), balancing between scientific and essayistic ways, has a semiotic orientation. Limes (since 2008) is oriented to cultural regionalistics as interdisciplinary research that focuses on different aspects (philosophical, sociological, historical, etc.) of the region’s cultural research. Kultūrologija (Culturology, since 2000) is oriented to the comparativistics from a regional perspective.

Speaking about “popular” journals, Kultūros barai (Cultural Fronts, since 1965), Krantai (The Shores, since 1989), Naujoji Romuva (New Romuva (1931–1940), re-established 1994) should be mentioned. During the Soviet time the journal Kultūros barai had been maybe a single place for cultural studies relatively free from ideology³. The distinctive feature of these journals is their stability: even after changing (for different reasons) of their initial editors-in-chiefs

¹ Com. Criticism of Heidegger towards Spengler.

² This situation could be compared with the cultural situation during pre-modern times in Lithuania: the noblemen (like the academicians now) had their different language (and consequently culture) in comparison to other people.

³ Ideology could be considered as cultural product, too.

they continue to be published. While Kultūros barai could be considered as cultural resistance to soviet ideology, Krantai has been established as intellectual forum for rethinking of both cultural past and future. Contrarily, Naujoji Romuva, like Logos, which was re-established as a journal edited between the wars, is oriented more towards cultural tradition and national memory¹.

The idea of Culture in Lithuania

The idea of culture had been a leading concept for the Lithuanian philosophers between the wars. Culture followed not as much from the Enlightenment project as from Romanticism, which was inseparable from nations' spring after World War I. The concept of culture served as well as the becoming of national identity inseparable from romantic images of the nation's past. Although it corresponded to the intentions of Kulturphilosophie developed as a counterbalance to a cosmopolitan idea of Enlightenment, Lithuanian cultural philosophy lacked exactly the reception of this divergence emerged in the Western Europe. The situation of cultural philosophy was improved in 1930s, when the national school of culturology (Stasys Šalkauskis), which was developed in Kaunas Vytautas Magnus University (VDU), was supported by European ideas imported either by young post-doctorates educated in Europe (Antanas Maceina) or by immigrants, the way of which followed from Russia via Europe (Lev Karsavin).

Stasys Šalkauskis (1886–1941) was concerned with the peculiar way of Lithuanian cultural development and treated it geographically as a bridge between Eastern and Western cultures (Šalkauskis 1990 (1926)). Although this idea has historical roots and certain social manifestations² in Lithuanian Grand Duchy, Šalkauskis' "geographical" approach was neither historical nor sociological. According to him, culture is to be grasped as a national Geist that rules an individual life. This Geist should be uncovered by philosophical mind that searches for national identity. This adaptation of German romantic Kulturphilosophie was also influenced by Russian culturology (V. Solovyov, N. Berdyaev), the representative of which L. Karsavin had been Šalkauskis' colleague in VDU for some years. Šalkauskis' cultural philosophy, being another side of modernity, expressed integral approach to culture as a basis of every human activity. However, this "straight way" to culture was achieved at a cost of cultural phenomena, the historical and social aspects of which had been ignored.

L. Karsavin (1882–1952), on the contrary, focused his attention on the historical development of culture. In his voluminous History of European Culture (Karsavinas 1991–1998

(1931–1937)), written in Lithuanian, Karsavin analyses culture inseparable from the social development using also etymological approach and philosophical generalization. As the question of Lithuanian cultural identity stays in the margins of this fundamental work, Karsavin's horizontal relations seek further, thanks to both his Russian intellectual background and wide scientific intentions. His idea of a unit Eurasian culture could be interpreted in the perspective of Russian expansionism. The irony of fate: Karsavin was condemned to exile in Siberia where he finally died because of this idea during the peak of Soviet expansionism after World War II. Karsavin in an unusual way realised the interconnection of both vertical attention to local Lithuanian culture and horizontal communication to the scientific society via Russian intellectual wave.

Like Šalkauskis, Vydūnas (1868–1953) was concerned with the questions what a nation is and what are the sources of national authenticity. However, his approach was more original while he appealed to the old Indian philosophy and Neo-Platonism combining it with the Christian content. As a result, he was a pioneer of philosophical comparative studies in Lithuania. While living and teaching in East (Lithuanian) Prussia Vydūnas paid attention to the native spiritual environment including language, history, customs, i.e. regional culture (1990a (1911); 1990b (1920)). On the other hand, the identity of this regional culture should be supported by the elements of culture extremely distant both in geographical and temporal senses. His concept of modern (and romantic) Bildung covered both these aspects in a paradoxical way. Therefore, German Bildung as a counterbalance for global Enlightenment had been a source of Lithuanian cultural identity contrasted to the German one.

Antanas Maceina (1908–1987) as a disciple of Šalkauskis has matured not only in the intellectual environment of VDU but also in other European universities³ where he had studied. Despite or thanks to this influence he had been possessed by the idea of culture between the wars, when he developed his cultural philosophy from different points of view in the books Introduction to Cultural Philosophy (1991a (1936)), The Bases of Primary Culture (1991b (1936)), as well as Cultural Synthesis and Lithuanian Culture (1991c (1938)). Maceina's cultural philosophy could be contracted to four theses:

- 1) culture is a human creation;
- 2) culture is a creation of being;
- 3) a human is free and conscious co-creator of divine order;
- 4) reality emerges as a human creation.

His cultural idea had been formed by balancing between such contrary sources as Platonic tendencies, Thomas Aquinas' theology, Berdyaev's messianism, and phenomenologi-

¹ Romuva means the pagan place of adoration that corresponds to the etymology of the word "culture".

² For instance, Uniate church.

³ Luvène, Fribourg, Strasbourg, and Brussels.

cal approach, and consequently it has some incompatibilities. Despite this Maceina's cultural idea does not lose its power by interpreting different aspects of human activity and searching for national identity. In this way cultural idea being integral abstraction devours other philosophical approaches and, finally, the very culture that is nourished by this "philosophical diet" (Wittgenstein). Maceina's international success is connected with his existential interpretation of such cultural figures as Great Inquisitor¹ (1990a (1946)), Antichrist² (1990b (1964)) and Job³ (1990c (1950)), with the analysis of Soviet ethics, as well as with theology influenced by the orthodox thought instead of his great works devoted to the reception of cultural idea. This success, first of all, in Russia and Germany was a consequence of both actuality of mentioned figures in certain cultures (in Russia) and political interest in enemies' social life (in Germany). As a result, Maceina's international (horizontal) communication within cultural discourse followed from his minor aims to interpret the cultural phenomena that appeared as actual in other countries. His major project to develop the bases of culture, on the contrary, did not transgress the national borders.

Dissemination of Lithuanian cultural studies

There is no doubt that the cultural studies developed by Lithuanian post-war emigrants have been influenced by new cultural environment in different countries. Consequently, we can raise the question whether these researches, developed abroad, are still Lithuanian. Anyway, they are no more cultural studies in Lithuania as the title of paper announces. Nevertheless, precisely these cultural strays are the best ambassadors of Lithuanian culture both in a broad (culture as such) and narrow (researches) senses. The best example of this representation is E. Levinas who influenced the cultural studies around the world⁴ as well. The visibility of researches pursued by Lithuanian emigrants could be explained not only by their better horizontal (in prejudice of vertical) scientific communication but also by intellectual convergence after interaction of different cultural traditions.

For Algirdas Julius Greimas (1917–1992) culture is no more an essence to be taken by storm. Dealing with the language as an aspect of culture he raise a question about the meaning of cultural phenomena to be understood instead of existential approach towards culture as a whole (1991b (1966)). Greimas defines culture as "global utterance" of "our authentic complete present bathing deeply in the past"

(1991b (1966): 332). In other words, culture is to be understood as a human language, the meaning of which is inseparable both from our historical past and creative future. The future is a factor of our past that has been created in the perspective of the becoming of a national community. However, this cultural language functions in communication with other cultural players. In this way semiotic approach not only allows to avoid the essentialism of cultural idea, the face of which is the national identity, but also to construct a model of intercultural research.

Vytautas Kavolis (1930–1996) develops the intercultural research further using the civilization approach together with sociological and historical perspectives, as well as with literal criticism. Kavolis criticises the idea of culture as a whole covering all life spheres. According to him, culture includes the aspects of contingency, contradictions and disconnections. Culture should not be interpreted as a system because of its fragmentation into the "collection of minor traditions" following from the individual choices (1996: 23). As a result he suggest cultural workshop instead of culturology or cultural theory. Kavolis' another "long way" towards cultural studies is cultural psychology (1995) that covers both individual reaction to the cultural breaks and the role of individuals in the cultural development.

Algis Mickūnas (born 1933) in his cultural phenomenology (2007) also pays attention to the civilizations, the diversity of which presupposes multicultural approach. Phenomenological perspective suggests not only cultural phenomena to be interpreted in different ways after bracketing of general cultural idea but also certain transcendental philosophy. The latter has been understood by Mickūnas as the reflection directed to the cultural differences and interspaces. That is why Mickūnas' cultural phenomenology is rather an alternative of the cultural idea developed by Maceina who used partly phenomenological (preferring its existential branch) approach, too. Firstly, the cultural phenomena presuppose a mosaic of cultural horizon although its viewing needs always certain philosophical (in his case phenomenological) perspective. Secondly, the phenomenological way (namely epochē) allows the achievement of the results in cultural research at minimum cost, i.e. without expropriation of cultural data in prejudice of general idea. Finally, this approach allows considering of the different aspects (e.g. globalization, on the one hand, and identity engineering, on the other) of culture as phenomena to be interpreted. Mickūnas uses all these advantages in his phenomenological "long way" of cultural studies.

Juozas Girnius (1915–1994) continued the line of Šalkauskis in his considerations about national culture and character (1947). While representing theistic existentialism (1994 (1964)) he was concerned with national culture in the context of freedom and faith. Because of mass emigration

¹ From F. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*.

² From V. Solovyov's *A Short Tale of the Antichrist*.

³ From *Book of Job*.

⁴ However, Levinas is not the subject of this paper because of his philosophy to be connected with cultural studies only in indirect way.

and loss of political independence in Lithuania after World War II the question of national culture became assumed in existential aspect that exploited successfully Girnius. Beside this, he analyzed the question of technology that has influenced both cultural development and human responsibility (1998).

Vincentas Vyčinas (1919–1996) as a disciple of A. Mac-eina (in VDU) and Eugen Fink (in Freiburg University) was influenced by existential phenomenology. His interest in cultural studies is two-fold. Firstly, he shows cultural significance of M. Heidegger (1977). Secondly, he interprets some aspects of contemporary culture (namely technology) in the perspective of Heideggerian existentialism (1973; 1990). Additionally, he appeals to such historical and regional cultural phenomena as Baltic mythology and polytheistic religion.

Alphonso Lingis (born 1933) is another example of productivity speaking about phenomenological approach in cultural studies. On the other hand, Lingis' case shows that phenomenology could lead to cultural periphery, the fragments of which constitute the very culture, according to Kavolis. In his books (1989; 1994a; 1994b; 1994c; 1995) Lingis both appeals to the phenomenological authors (Husserl, Heidegger, Merleau-Ponty) and uses the examples of "exotic" cultures known to him from his personal experience. Lingis decisively rejects the thesis about an abyss between culture and nature. According to him, all we need in our civilized urban environment is dangerous emotions, savage tendencies and wild desires that are sources of our creation breaking routine of not risky life. Lingis, who often visits Lithuania and willingly recognizes his Lithuanian roots¹, is also an example of successful cultural studies that transgressed narrow national borders after the convergence with other research tradition (phenomenology) in the perspective of other cultures.

Diversity of cultural studies in Lithuania

Soviet period had been a test time for philosophy including cultural studies in Lithuania. On the one hand, Soviet ideology was a cultural phenomenon that transfused the other forms of culture. On the other hand, it provided culture with the forms balancing between eloquent silence and metaphorical transfer. In this way both culture and cultural research assumed cumulativeness covering the hidden contents and provoking for creation beyond ideological borders. After amalgam of culture and ideology, cultural studies as such should be impossible while culture is no more reflected as human creative base in prejudice of ideology. However, in this oppressed situation culture searches for an aperture

for outbreak whereas the cultural researchers remove to the underground of metaphysical inquiry.

This could be said about Vosylius Sezemanas (1884–1963) who was one of very few philosophers who stayed in Lithuania after World War II and like Karsavin experienced hardship of Siberia exile. Born in Finland, a son of German mother and Swede father, Sezemanas preferred to stay in Lithuania after Soviet occupation and had to pay with suffering in Siberia to be inscribed in history of Lithuanian philosophy. His swansong in cultural philosophy is the text *Time, culture, and body* (1997 (1935)) written in Lithuanian between the wars. He develops culture inseparable from human body and time experience. This integral (and metaphysical) approach is specific also to his *Aesthetics* (1970), written in Soviet time already.

Arvydas Šliogeris (born 1944), like Sezemanas, differs cultural phenomena from metaphysical, more precisely from ontological perspective. However, his ontology (and metaphysics) has been influenced by postmodern forms of culture. Šliogeris' cultural studies could be reconstructed in two ways. Firstly, his interpretation of some works of art (created by R. M. Rilke and P. Sezanne) (1988) presupposes culture in a broad sense and art in a narrow sense as a background for philosophical considerations. Therefore, Šliogeris continues Heideggerian guideline, according to which philosophy is the basis of culture. Beside this, the works of art serve our hermeneutical inspirations while things in art open the existential horizon to us. On the other hand, both culture in general and its forms (e.g. urban culture) take important place in his philosophical considerations (1990) followed from phenomenological sources².

Antanas Andrijauskas (born 1948), on the contrary, has an explicit interest in history and theory of culture (2003). However, this "straight" way followed from his research in philosophy of art (1990). His concept of culture understood as a whole of human creation (both material and spiritual) is close to Šalkauskis' and Maceina's concept with one reservation: Andrijauskas uses the comparativistic approach. This approach dethrones both metaphysical and Europecentric viewing. However, every comparison presupposes certain existential attitude in a broad sense and a theoretical assumption in a narrow sense, i.e. philosophical background based on certain ideas even antimetaphysical ones.

Arūnas Sverdiolas (born 1949), otherwise, develops cultural studies from hermeneutic point of view (2006a;

¹ Although Lingis has born in USA, both his parents are Lithuanians emigrated between the wars.

² At least one disciple of Šliogeris is to be mentioned due to his project of cultural phenomenology (Kačerauskas, T. 2008a. *Tikrovė ir kūryba. Kultūros fenomenologijos metmenys*. Vilnius: Technika; Kačerauskas, T. 2007. „Kultūra kaip egzistencinė kūryba“, *Problemos* 71: 49–58.) and interest in historical aspects of local culture (Kačerauskas, T. 2010. "Cultural Territorialization: the Case of Grand Duchy of Lithuania" *Limes* 3 (1): 39–48).

2006b). As a result, the hermeneutics developed by Sverdiolas also acquires the original features not only by interpretable phenomena — past or future — of Lithuanian culture, but also with a distinctive view determined by our cultural surroundings. The intersection of hermeneutic and cultural approaches serves for the opening of horizon in both inquiries. On the one hand, hermeneutical model has been used by interpreting of cultural phenomena to be understood in the perspective of a certain culture. This interdisciplinary research opens also the intersection of local and global cultures: Lithuanian cultural phenomena are inseparable historically from European culture, which has been formed under the influence of Central European fight for European cultural values. On the other hand, a certain (local) culture emerges as hermeneutical environment while culture is the content of the very hermeneutics.

Vytautas Rubavičius (born 1952) deals with mostly global aspects of postmodern culture while he combines the tools of deconstruction and hermeneutics, as well as social criticism (2003; 2010). This combination of an object to be researched and the ways of research could be called a postmodern thought represented by Rubavičius. Leonidas Donskis (born 1962) started his academic career from philosophy of modern culture (2009 (1993)) including modern urban studies and uses this theoretic baggage by deconstructing the forms of hatred in Western culture (2003).

Gintautas Mažeikis (born 1964) develops the discourse of cultural anthropology while he analyses different sub-cultures in urban space (2004; 2008). Beside this, Mažeikis is interested in pop culture as a particular phenomenon of social life. Similarly, Jūratė Černevičiūtė (born 1958) deals with pop culture in the perspective of creative industries (Černevičiūtė et al. 2009).

Jekaterina Lavrinec (born 1978) and Černevičiūtė develop the discourse of cultural narration (Černevičiūtė 2008). Additionally, Lavrinec pays attention to such phenomena of culture as the photograph (2007) and the city (2010) from philosophical perspective. In her research Lavrinec is not alone. On the contrary, we can speak about the wave both in studies of photograph (Michelkevičius 2010) and urban studies (Milerius 2007a; Samalavičius 2009a; Samalavičius 2009b) in Lithuania. One of Lithuanian pioneers in these specific (but not peripheral) cultural research, including cinema studies (Milerius 2007b), is Nerijus Milerius (born 1971). Visual studies (Barevičiūtė 2010; Briedis 2010; Kačerauskas 2010; Kirtiklis 2010; Pruskus 2010) are an important component of cultural research because “visual turn” influenced different planes of our life.

Basia Nikiforova (born) leads researches in cultural regionalistics (Andrijauskas 2008; Kanišauskas 2010; Nikiforova 2010; Kačerauskas 2010; Kačerauskas 2009b) as a

result of interdisciplinary research covering both historical memory and existential aspirations in the perspective of border discourse, while “border” emerges as a cultural concept. Border discourse is inseparable from identity discourse that emerges in the historical (Berenis 2008), existential (Jasmontas 2009) or global (Astra 2009; Astra 2010; Pruskus 2008) perspectives.

As mentioned, the issue of national identity dominated in Lithuanian cultural research between the wars while it served as an ideological basis for the new nation. In post-soviet time this question springs out after many years of pressure. However, this reborn interest in national identity emerged in other political context, namely in the perspective of globalization and European integration. Additionally, identity discourse now has been oriented to the historical precedent called Grand Duchy of Lithuania. This tendency leads in paradoxical way to intercultural heritage shared by some modern nations. That is why cultural regionalistics has been developed as intercultural research as well. Nevertheless, identity discourse has been developed by such different perspectives as renovation of interwar ideas (Balčius 2005), religious philosophy (Kuzmickas 2009, Nikiforova 2008), and aesthetics (Juknevičius 2005).

The latter being an important source of cultural studies has been developed also by influence of different cultural researches including phenomenological, hermeneutic, analytic, psychoanalytic, comparativistic ones. In this way, after convergence of aesthetics and cultural studies there has been formed the diversity in both art and cultural research. This situation could be illustrated by the researches in art philosophy (Andrijauskas 1990, Stoškus 1981), phenomenology (Kačerauskas 2007; Kačerauskas 2009c), positivism philosophy (Nekrašas 2010), and psychoanalysis (Jekentaitė 2007) that are inseparable from cultural studies in Lithuania.

Another neighbour of cultural studies is civilization analysis while civilization has been treated both as a part of a certain culture and as a whole of cultures. After an impulse given by Kavolis, civilization studies intertwined with border discourse (Nikiforova 2009), aesthetics (Juzefovič 2009a; 2009b), social criticism (Barevičiūtė 2009), existentialism (Kačerauskas 2008b) and took a marked place in cultural researches developed in Lithuania.

Inasmuch culture evolves acquiring new forms, the analysis of such cultural segments as media and communication could not be overrated (Rubavičius 2009; Barevičiūtė 2008). The last but not least chapter of cultural studies is the analysis of university culture, whereas Lithuanian universities (first of all, the oldest one — Vilnius University) has been analysed in the context of Central European universities and culture of Central Europe in general (Šaulauskas et al 2009; Samalavičius 2006; Kačerauskas et al 2006).

Conclusions

Philosophy of culture, that followed sometimes contradictory ideas of Enlightenment and Romanticism, had been the dominant chapter of philosophy developed in interwar Lithuania. It could be explained by the demand of cultural base for national identity in a young state. After the World War II the situation has changed because of both emigration of Lithuanian cultural philosophers and other political (scientific) situation in Lithuania. On the one hand, the emigrants' thought has been influenced by Western tendencies including deconstruction of metaphysical cultural ideas and interdisciplinary character of cultural studies. On the other

hand, the idea of national culture playing role of spiritual resistance during Soviet totalitarianism had been conserved in Lithuania for some decades. Since 1990s different influences including scientific experience of visiting emigrants, interwar ideas to be restored, and postmodern tendencies got to be known in Western universities and flooded the researchers of culture in various perspectives. As a result, we can speak about such chapters of cultural studies as cultural phenomenology, cultural regionalistics, identity studies, urban studies, civilization studies, narration discourse, photograph and cinema studies etc. in Lithuania.

